

НАТАЛЬЯ ДРОЗДОВА

А У НАС НАВСЕГДА — ЖИЗНЬ

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Хлеб отца моего ем.
На крылечке сидим с ним.
Сняты с сердца вины ярем,
пыль — с ботинок, с лица — грим.

Хлеб отца моего ем —
благодатней трапезы нет.
А калитка в родной Эдем
приоткрыта, и там — свет.

Хлеб отца моего ем:
сладко, горько ли — всё подряд.
И глядит на меня Вифлеем
синим глазом. То — сына взгляд.

В нём любви и мольбы твердь —
не отвергни, не откажись.

На чужбине — болезнь, смерть.
А у нас — навсегда — жизнь.

* * *

Зимовенька, Зимовенька —
травы тучные в пыли —
золотая деревенька,
сердцевиночка земли.
Колыбельно-карусельно
завонила-завала.
Я теперь до воскресенья
доживу ли?
Дожила.

И как будто неповинна.
И как будто ни при чём.
Звон. Дорога. Дым полынный
за малиновым плащом.
От него ли сердце спрячу!
Подошёл. Подносит. Пью.
Плачу, плачу, плачу, плачу...
Кровь струится по копыю.

ДРОЗДОВА Наталья Владимировна родилась в селе Нежеголь Шебекинского района Белгородской области. В настоящее время Н. Дроздова является секретарём Марфо-Мариинского сестричества милосердия и редактором журнала "Добродетель". Автор нескольких сборников стихотворений, выходивших в белгородских издательствах, член Союза писателей России.

НЕЧАЯННАЯ РАДОСТЬ

О, сказка Устинка! Пейзаж последний.
Лубковый сон без окон, без дверей.
Сова на крыше. Печка. Лодка. Лёдник.
Начала отзвук. Гул монастырей.

У старой баньки холодно и мглисто.
Из новой баньки до рассвета жар.
Да разве ж я не дочка гармониста!
Да разве ж мне черёмухи не жаль —

в объятых темени вещунью лета,
красу земли... Но — климат здесь таков.
“Нечаянная радость” — Матерь Света —
глядит из обветшалых рушников.

* * *

Недослушав строку, выхожу в снегопад.
А деревья черны и прекрасны притом.
Фонари голубеют. Полозья скрипят.
Ускользает возок. Лошадь машет хвостом.
Этот сладостный мир, этот сонный пейзаж
и сиреневых рощ удалённую нить
мой ревнивый звонарь, мой задумчивый страж
для грядущих миров обещал сохранить.
На исходе веков милосердна рука.
Мимолётны, как жизнь, и огни, и дымы.
Остается со мной золотая строка.
И снега. И снега на исходе зимы.

* * *

В чужих монастырях у лилий запах сладкий,
а розы горячи, гортензии нежны.
В чужих монастырях живут светло и складно.
Как будто всё легко. Как будто влюблены.

В моём монастыре разрытые могилы.
И сонм несчастных душ. И похоть суеты.
И поросль нелюбви. И палисадник хилый.
И нет клочка земли, где б посадить цветы.

В твоём скиту зима. В оконце — свет нетварный.
И вечно зелены растенья для венца.
Я тишине его внимаю благодарно.
И плачу. И молчу. И сердцу нет конца.

В БЕЛОЙ РАМЕ

Где-нибудь там за колонной к стене прислонюсь
свежепобеленной.
Служба закончилась в храме.
Господи!
Есть я ещё на земле?

Иль кому-то лишь снюсь
медленной тенью, наброском — в пейзажике в раме,
белой, картонной: то лесом, то полем, а день
красен к закату, и травы кровавы и буры.
Господи!
Воля Твоя.
Только Ты знаешь — где
завтра я буду, и с кем, и зачем, да и буду ль...

Эхо — как глухонемое — зови, не зови —
не передаст ни намёка любимейшим людям.
Господи!
Воля Твоя.
Разве ж не для любви
Ты до сих пор меня водишь, и носишь, и любишь!
Я же подарков Твоих не умею хранить,
всё уступаю то лжи, то сомненьям, то бедам.
Господи!
Воля Твоя — золотистая нить.
Стены в обители белые, белые, белые...

ПЕРЕД СЕРЫМ ХОЛСТОМ

Не сходи с каблуков. Не целуй эту мёрзлую землю.
И тепла не проси. И Адамом его не зови.
Пронеслись по векам острова, государства и семьи
перед серым холстом, освещённым предзимьем любви.

В неуспеньи исконном вечераишь на росстани праздной
у окна на восток, на села обезлюдивший вид.
Полыхают поленья в печи, очищая пространство
перед серым холстом, освещённым предзимьем любви.

Запоют ли скворцы... Ты ни в чём больше не виновата,
хоть сейчас умирай, хоть до утренних слёз поживи.
Не сходи в этот рай, не ищи запрещённого ада
перед серым холстом, освещённым предзимьем любви.

* * *

Мороз и солнце. Хруст под сапожком.
Семинарист, влюблённый в поэтессу.
Не запрягай. Давай и мы пешком
пойдём на гул чернеющего леса.

Пусть все мои деревни замело,
все большаки от курской и до тульской.
Развозит сиротливое тепло
трудяга эскалатор в свете тусклом.

На тонком льду какой-нибудь из рек
вдруг станет ясно, что грустить не надо.
Проснётся слово, вспыхнет в алтаре.
Семинарист подаст владыке ладан.

Забьётся пенчик. Вздогнут провода.
А вечер за окном синее, гуще...
Давай любить сегодня и всегда
и не мечтать о прошлом и грядущем.